

Елена
Селестин

РУССКИЕ ДРУЗЬЯ ШАНЕЛЬ

Любовь, страсть
и ревность,
изменившие
моду и искусство
XX века

Елена Селестин
Русские друзья Шанель.
Любовь, страсть и
ревность, изменившие
моду и искусство XX века
Серия «Мода. TRUESTORY»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70301029

*Русские друзья Шанель. Любовь, страсть и ревность, изменившие моду
и искусство XX века: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-198998-9*

Аннотация

Каким образом парижская модистка стала Великой Мадемуазель? Мало кто знает, что своим успехом она обязана не только собственному таланту и новаторству, и даже не богатым и знатным любовникам. В элитный круг Парижа Шанель попала прежде всего, благодаря именитым русским эмигрантам, с которыми ее познакомила близкая подруга Мися Серт.

Роман «Русские друзья Шанель» основан на документальных сведениях, в частности на записях друга Коко Шанель Поля Морана, который при ее жизни так и не получил разрешение

на их издание. В нем автор – писательница и искусствовед Елена Селестин в красках передает детали знакомства, дружбы и сотрудничества Шанель с Сергеем Дягилевым, Игорем Стравинским, Леонидом Мясиним, Сергеем Лифарем, великим князем Дмитрием Романовым и княгиней Марией Павловной, Пикассо и его русской женой Ольгой Хохловой.

Роман погружает читателя в атмосферу Парижа 1920-х годов, период становления нового искусства, вдохновенного творчества, но в то же время неприкаянности, ревности и нехватки денег, – когда «при дворе Дягилева» не прекращалась напряженная работа и кипели страсти, в том числе при участии Габриэль Шанель.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Сан-Моритц, Швейцария, 1948 год	6
Рим, апрель 1920 года	19
Париж, театр «Гранд-Опера»,	54
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Елена Селестин Русские друзья Шанель Любовь, страсть и ревность, изменившие моду и искусство XX века

*** * ***

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Селестин Е., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Сан-Моритц, Швейцария, 1948 год

Поль Моран

– Не оборачивайся, – сказала жена. – Там, у окна, мадемуазель! – Елена нахмурилась и наклонила голову. – В дурацкой шляпе похожа на голодного грифа.

– В дурацкой? Значит, не она.

– Если хотим успеть на матч, надо сматываться.

Я обернулся: Коко смотрела прямо на меня поверх сигаретного дыма. Она щурилась, подбородок на тонкой шее вздернут – величественный гриф, в тесной клетке не изменивший привычке смотреть свысока. Мех на шляпке топорщился белым хохолком. Глаза ее были по-прежнему яркими, но не сияли.

– Привет... – я подошел.

Она ела свой птичий завтрак.

– Ты тоже на Олимпиаду?

– Что, я стала похожа на старую идиотку, Полё? – Коко приветливо улыбнулась и потрясла рукой, украшенной браслетами и перстнями.

Когда я наклонился, чтобы расцеловать ее, маленькое тело мадемуазель показалось мне бесплотным; от нее пахло кофе и сладкими духами. Отстранившись, я почувствовал на лице прикосновение душистого меха. Вопреки земным зако-

нам и жизненным катастрофам, прежде она молодела с каждым годом, а теперь усохла и выглядела на свои шестьдесят пять, на лице особенно выделялся большой подвижный рот.

– Возраст – очарование Адама и трагедия Евы, так, мой Полё? – хрипло хохотнула мадемуазель.

Как я мог забыть: она читает мысли обычных людей.

– Твоя жена, – мадемуазель махнула рукой с сигаретой в направлении холла, – сбежала. Надеюсь, из-за меня.

– Пошла в туалет, я думаю. Сегодня швейцарцы играют с норвежцами, и мне, к сожалению, пора идти.

– Давай посидим у меня, пока она будет мерзнуть. Хочешь?

– Нет, я с Еленой. Прости.

«Почему не сказал, что сам люблю посмотреть на игру?! И хочу провести день с женой? Сейчас-то мне с какой стати пасовать перед ней?»

– Заходи вечером, я здесь на третьем, выпьем по бокалу «Россини», – предложила она.

Этот коктейль подавали в Париже в отеле «Ритц» всю войну, мы часто пили его вместе. В глазах Коко появилось новое: страх, опасение, что она всего лишь бывшая властительница идей и пространства. Я не выдержал боли в ее взгляде.

– Хорошо, скажу Елене. Спасибо за приглашение.

– Приходи один, мой Полё, – протянула она жеманно и улыбнулась, глядя мне в глаза. – У меня к тебе дело.

Трудно без смущения смотреть на кокетливую гримасу

немолодой женщины, которую помнишь красавицей. То, что она упрямо игнорировала мою жену, было так похоже на прежнюю Коко! Ей, конечно, плевать на мои возможные мелкие неприятности, однако надо напомнить.

Но я проямлил:

– Вечером с шофером отправлю тебе записку. Ты здесь под своим именем?

– Ха, мой бог, конечно нет, на черта мне сдались журналы и прочие дебилы. – Она проворно надела темные очки, о которых забыла на время, ее маленькое лицо исчезло. – Ты тоже в этом отеле?

– Нет, мы с Еленой, – подчеркнул я – «мы», – в «Помм де пен», на другой стороне озера. Когда приехали, здесь были заняты даже люксы. – Мне не хотелось признаваться, что этот роскошный отель нам не по карману. – Тебе-то как удалось?

Она фыркнула, дернув острым плечом, жемчуга на груди сместились с громким шелестом.

– Записку оставишь для пятого люкса! – прогудела мадемуазель.

– Для пятого, понял.

После хоккея, во время прогулки, у меня был нервный разговор с Еленой; я понимал ее эмоции, но все же вечером собирался в отель «Бадрютт» к мадемуазель.

За обедом меня ждал неприятный сюрприз: я попросил официанта принести местную газету с расписанием игр на

завтра. Газетенка «Новости Граубундена» не только давала подробную информацию о том, на каких площадках будут состязания, но и сообщала об известных людях, прибывших в качестве зрителей на зимнюю Олимпиаду-48, высокопарно названную «Играми Возрождения». Там было написано: «В холле отеля „Бадрютт“ замечен бывший французский посол в Швейцарии писатель Поль Моран с супругой, румынской принцессой Еленой Сутцо». Я быстро убрал листок, чтобы жена не заметила. Одно радовало – там не было наших фотографий.

И вот мы вдвоем с мадемуазель в ее люксе любимемся видом, сидя перед огромными, от пола до потолка, окнами апартаментов. Коко в белом, одета с невыразимым изяществом, и на ней так много украшений, что она сутулится, поднимая плечи, при этом ее стан кажется совсем бесплотным.

Окна гостиной были обрамлены золотистыми бархатными портьерами, что делало зрелище на площадке перед отелем похожим на декорацию спектакля, выстроенную художником с буйным воображением и неограниченными возможностями. На переднем плане, прямо перед нами, был овальный ярко освещенный каток. Там кружились в пятнах света фигуристы. Чуть поодаль – белая плоскость озера среди волнистых гор, по нему даже в такой час бегали лыжники. И повсюду до темного горизонта стояли пышные ели и сосны в раздутых снежных балахонах.

– Люблю снег, – она улыбнулась мечтательно. – Удиви-

тельно, что из воды, женского и бесформенного, получается лед – холодное, мужское! А вот ноги, мой бог, ноги-то зачем открывать? – мадемуазель гневно указала на девушку, которая плавно скользила по льду. – Колени – это же уродливые сочленения! Как у насекомых! Я в моих платьях колени всегда скрывала.

Захотелось отвлечь ее от ног фигуристок. Я предвидел, что наша встреча обернется монологом мадемуазель и вечер будет скучным.

– Помнишь, Мися говорила, что по-настоящему шикарным театр был лишь в те времена, когда ложа важных гостей помещалась прямо на сцене? Мы сейчас словно в такой ложе, – нарочито восхитился я.

Коко внезапно встала, поставив бокал на столик, на лице ее мелькнуло, сменяя друг друга несколько саркастических гримас. Конечно, я допустил бестактность, напомнив ей о времени, когда у Миси Серт на лучших сценах Парижа была собственная ложа; эту роскошь упразднили во время Первой мировой. Коко в то время была просто модисткой. У нее был покровитель, но таких способных содержанок в Париже было немало. Я-то полагал, что соперничество между подругами – одной из которых, Мисе, все досталось в ранней юности просто даром, а другой пришлось пробираться сложными путями, – давно изжило себя.

– Что-то не так? – я постарался мило улыбнуться.

– Твоя Мися неделю назад прислала мне письмо, сейчас

принесу.

Вернувшись из спальни, Коко с размаху села в кресло и, нервно потрясая бумагой, стала читать. На переносице у нее появились очки. Собственно, новости о бедной Мисе Серт были никому не интересны уже лет десять. Я с удовольствием пил шампанское с клубничным пюре, тот самый коктейль «Россини», которым гордился парижский «Ритц», и любовался огнями, думая о том, что хотел бы показать этот вид жене.

– А вот, – повысила голос мадемуазель, – слушай: «я занята день и ночь, работая вместе с Було над воспоминаниями. Моя книга, конечно, всех очень удивит. Я вовсю забавляюсь! Но иногда рыдаю». – Мадемуазель фыркнула и грубо ругнулась. – Рыдает она...

– Рад, что Мися занялась делом.

– С ума сошел? – Она потрясла кулачком, покрытым драгоценными камнями. – Мися сочиняет бредни! Обо мне!

Коко всегда уверена, что окружающие говорят и думают лишь о ней. Возможно, раньше это был один из секретов ее успеха.

– Что за Було?

– Бывший секретарь Серта, достался ей в наследство вместе с квартирой. Мальчик смотрит на нее с умилением, как на сундук времен Вильгельма Завоевателя, откопанный в саду. Було красит губы и, по-моему, с собственным полом не может определиться, что уж говорить об остальном. Пред-

ставляю, как Мися лежит, изображая мадам де Монтеспан в состоянии маразма, и диктует чушь. – Коко подперла голову рукой и закатила глаза, потом с силой стала крутить кистью в воздухе, как птица, проверяющая мощь крыла. Перстни мадемуазель замигали, подавая дружеские сигналы праздничным огням за окнами. – Сама ведь не только писать, но и книгу за всю жизнь не открыла...

Я возразил:

– Малларме, Дебюсси, Лотрек – все обожали молодую Мисю! Ренуар хотя бы. И Пруст мне про нее всегда говорил восторженно, ему нравилось писать ей письма.

– Да сроду она их не читала!

– А может, она в воспоминаниях расскажет правду о «Русском балете»?

– Угу, правду. Мися будет плести про меня, я уверена, и все переверет, как обычно, – отчеканила мадемуазель. – Уфф, знаменитые Мисины поклонники! Да они разбегались, спасались от нее! Ты же знаешь: я тоже могу укусить кого-то, когда разозлюсь. Но Мися жрет людей целиком, и она всегда так делала! В общем, я ей написала, чтобы она не вздумала упоминать меня в своих опиумных фантазиях. Так и предупредила: если опубликуешь обо мне хоть слово...

– То что? – Мне всегда казалось, что Мисю напугать нельзя.

– Ну-у-у, – она помедлила, будто обдумывая наказание, – хотя бы перестану тащить ее на себе, как делала это всю свою

жизнь. В прошлом году – и в апреле, и осенью – оплатила ей здесь санаторий и врачей. Встало мне это, ты знаешь Мисю, мягко говоря, недешево... она всю жизнь уверена, что деньги валяются с неба. У меня у самой сейчас долги. А! – она энергично отмахнулась и нахмурилась.

Я знал, что моя собеседница попала в общество перво-классных мастеров искусства и их покровителей только благодаря дружбе с Мисей Серт, которая ко времени знакомства с Коко царила в этом недостижимом для простых людей кругу двадцать с лишним лет.

– Полё, послушай, ты ведь плохо ее знаешь, – не унималась Коко. – Когда мы первый раз ездили по Италии, она твердила: брось ты всех этих Тицианов и Боттичелли – они мусор, ничто, – а пойдем лучше посидим где-нибудь, поедим вкусно. Еще ей нравилось притащить в отель кучу камней, кораллы, бисер, барахло всякое... она делала деревья, знаешь, наподобие японских, у нее их был целый чемодан. Деревья с каменными листьями! У Миси вообще никогда не было вкуса! Никакого, уж поверь мне. – Коко кипятилась, я старался сохранять серьезное лицо. – Она сама мне говорила, что Малларме каждое воскресенье приносил ей стихотворение и паштет из гусиной печени. Паштеты она сожрала, а стихи растеряла, может даже выбросила – они ничего для нее не значили, ничего!

Зато я неплохо знал два поколения людей искусства в Париже, для которых мнение Миси об их творчестве было важ-

ным. Другое дело – никто из них не мог сказать, что знает Мисю достаточно хорошо, и никто не взялся бы предсказать поступки Миси. Иногда ее взгляд был проникновенным, глаза смотрели нежно, но она открывала рот – и человек слышал неприличные или злые слова. Бывало и наоборот: Мися говорила что-то поэтически-возвышенное, а смотрела хитро или презрительно щурилась. Мися Серт была любопытным, разряженным, своевольным, сильно надушенным, до крайности избалованным парижским сфинксом. Она привлекала избранных и отталкивала многих других. Кажется, когда-то Реверди (или же Малларме, не помню) назвал ее «королевой божьего Парижа», но это была непостижимая и часто жестокая королева.

– Вот еще перл! – щелкнула по странице мадемуазель. – Она сообщает, что была на выставке Пикассо и потом у него в мастерской они поссорились: «Можешь теперь поблагодарить меня, я освободила тебя от Пикассо!» Мой бог, освободила от Пикассо! Меня! – Коко вскочила, взгляд стал гневным. – Единственный человек, от которого я хотела бы освободиться, – сама Мися. Ну и кто она после этого?!

Листы переворачивались; письмо трещало, мне казалось, оно может загореться – раздражение мадемуазель передавалось бумаге.

– Полоумная идиотка, вдруг ей пришло в голову распоряжаться моими отношениями с Пикассо!

Эта заочная ругань становилась скучной, и вдруг Коко

сказала:

– Мне нужно, чтобы ты помог написать книгу. Мою! Расскажу о себе сама, все как есть. – Бросив листы себе под ноги, она взяла со стола бокал и удобно устроилась в кресле. Серьезно смотрела мне в лицо.

– А почему я? – мне хотелось отказать по деликатнее. – Сейчас Олимпиада, и мы с женой вместе...

– Твои книги были успешными, и потом, ты же был секретарем Пруста, долго работал у Галлимара. – Аргументы мадемуазель, как обычно, были строго рациональными. Но после паузы она добавила мягко: – Ты единственный, кто знает, какой я была, когда Бой был жив. Только ты помнишь меня настоящую, Полё.

Если отбросить раздражение, естественным образом возникавшее оттого, что думала и рассуждала она только о себе, обстоятельно и очень серьезно, можно было признать, что она права. Я дружил с Боем Кейпелом, любил его так же, как и она его любила. После гибели Боя мне его тоже жутко не хватало. И до сих пор не хватает, хотя прошло почти тридцать лет. Правда и то, что она была его грандиозным творением. Бой Кейпел, безусловно, нас связывал.

– Да, ты стала известной практически сразу после того, как он нас покинул.

– Не просто известной, мой бог! Единственной женщиной в мире, фамилию которой не надо называть. «Великая мадемуазель» – это только я, – напомнила она; видимо, ей давно

не перед кем было хвастаться. – У меня такое чувство, что после смерти Боя моя жизнь, да и я сама, поменялась полностью, будто он «оттуда» всем дирижировал. Началось самое интересное. До этого я работала как умела, хоть он мне, разумеется, и советовал всегда, и помогал. Но потом! Он был все время со мной, здесь, – она приложила ладонь к груди, поверх лабиринта бус. – Ты один можешь понять это, Полё.

Мне стало интересно: эти жемчужины холодные или нагреваются от ее эмоций?

– Я не только сразу стала сильнее, но и каждый день знала, как действовать. Делала это без ошибки, точнее и быстрее всех. Хоть и была очень молода, – добавила она задумчиво.

Вот это, мягко говоря, преувеличение. Когда не стало Боя, мадемуазель исполнилось тридцать семь. А правдой было то, что в те годы на вид ей можно было дать двадцать пять; не всегда, но в некоторые дни.

– И принялась работать как несколько человек, не уставала никогда, – повторила она. – Так странно, Полё. Я ведь любила Боя, и он меня любил, но пока он был жив – я часто плакала, все десять лет, что мы были вместе. А потом уже нет, потом настало время настоящей работы.

– Почему ты плакала?

– Скажем так: он любил не только меня, – она дернула плечом и потянулась за сигаретой.

Мы проговорили до полуночи. Когда я вернулся в отель, Елена читала в постели, и, конечно, она была обижена на ме-

ня. Я же торопился записать то, что рассказала мадемуазель.

– Шпатца там не было?

– Нет. Только мы вдвоем.

– Куда же делся барон Шпатц? Странно.

Я знал, что моя жена терпеть не может Ганса фон Динкклаге по прозвищу Шпатц с тех времен, когда он появился в Париже в 1933-м как «доверенное лицо канцлера Германии Адольфа Гитлера».

– У женщин не спрашивают такие вещи. Я не спрашиваю.

– Будешь всю ночь записывать, что она наплела? – Елена подошла, чтобы поцеловать меня на ночь, и заглянула в записи.

– Иди спать, пожалуйста.

– «Мои строгие тетушки из Оверни! Наши дома, ухоженные жасминовые аллеи! Шкафы с белоснежными простынями и рубашки с кружевными манжетами». По-оль, она тебе врет! Весь Париж знает, как было на самом деле, вон хоть спроси у Миси.

Воистину: говоря о Шанель, обязательно упоминают Мисю, и наоборот. Будто они давняя супружеская пара.

– Людям интересно, как она сама себе это представляет. И я согласись, Коко имеет право рассказывать о себе что хочет. В любом случае такая книга может иметь успех.

– Ты спятил? Это смешно! Кто-то купит книгу о мадемуазель со слов самой мадемуазель? Про нее все забыли! Диор и Живанши превзошли ее во всем! Она тебе хотя бы заплатит?

– Не знаю. И не так это важно. Спокойной ночи.

– Ну понятно, – протянула жена с интонацией прозорливой консьержки. Я не выносил этот ее тон, но ссориться не хотелось.

– Иди ложись, пожалуйста. Люблю тебя, Елена. – Я поцеловал ей руку, давая понять, что больше отвлекаться не намерен. – Ты у меня красивая.

Рим, апрель 1920 года

Двери на террасу были открыты; стояла необычная для апреля жара, и в просторном зале к полудню стало душно. Сергей Павлович Дягилев в ночной рубашке до пят, в остроносых войлочных туфлях сидел на террасе в плетеном кресле, повернувшись спиной к яркому солнцу. Рядом на круглом столике лежали листы партитуры, время от времени он делал в них заметки карандашом, но большую часть времени слушал, прижав ладони ко лбу. Из глубины апартаментов звучал рояль, иногда музыку дополнял звон трамвая.

– На двадцать второй странице, с третьего по седьмой такт, – крикнул Дягилев, – нет, прямо до восьмого, Игорь! Надо сочинить хороший аккомпанемент для этой темы. А первые два такта в картине вычеркиваются, лишние они.

– Я не могу настроиться на Перголези, не получается! – Композитор взял неблагозвучный аккорд. – Слишком большие различия в ощущении времени и движения! Перголези во сне мне является и грозит палкой. В лучшем случае могу переписать его со своим «акцентом», Серж, но и то не знаю, получится ли.

– Надо сделать, чтобы в хореографии не вышло скучно, – спокойно пожал плечами Дягилев. – Ничего более.

Стравинский закурил и вышел на террасу.

– Пусть Леонид подстраивается под музыку... так будет

правильно, в том числе хорошо для танца, – сказал он.

Лицо Дягилева, с большими темными кругами под глазами, страдальчески сморщилось, уголки глаз опустились, брови, наоборот, поднявшись, сложились буквой «л», удивительно точно повторяя линии тонких усов, монокль повис на черном бархатном шнурке.

– Я человек театральный... – он вытянул вперед руку в широком рукаве рубашки.

– Но вы не композитор, Сережа, – быстро вставил Стравинский.

– И слава богу, что не композитор! – выкрикнул импресарио внезапно. – А вот п-почему, позвольте спросить, почему я должен, собственно, быть им?! – При сильном волнении Дягилев начинал заикаться.

– Потому что издевательство над старой музыкой мне претит. Никогда вы этого понять не сможете, вам-то все равно! – Стравинский курил, расхаживая по террасе, иногда он задерживал взгляд на древних постройках Рима, стекла пенсне отражали то солнце, то крыши и купола. – Публика ваш бог.

– Ну хватит! – Дягилев вскочил и подбросил листы партитуры. Он был на голову выше композитора и в широкой рубашке казался огромным. Со стола грохотом полетел кувшин с лимонадом. – Уже двадцать лет мне твердят, что я нич-чего не понимаю в музыке, потому что я не композитор. Нич-чего не понимаю в живописи! Потому как не художник! Надоело! – теряя домашние туфли, Дягилев свирепо пинал

нотную бумагу, норовя загнать листы в лимонадную лужу. Листы разлетались, он их догонял и пинал снова.

Стравинский отступил к парапету террасы и отвернулся, выжидая. Его ботинок, высокий, украшенный модной кнопкой, отстукивал плавный ритм, гармонирующий со спокойными силуэтами крыш. Композитор выглядел щеголем: клетчатые брюки, нарядный галстук и напомаженные волосы. Вокруг террасы были крыши старинных домов, между ними виднелся купол Пантеона.

– Как выдержать это, господи?! И зачем? Зачем мне все это? – неуклюже переступая босыми ногами, продолжал стелать Дягилев. Со лба у него катился пот, пенсне на черном шнурке раскачивалось на полотне рубахи – фигура напоминала громоздкие, внезапно взбесившиеся напольные часы. – Почему вы носком стучите?! – импресарио вдруг брезгливо уставился на ботинок Стравинского, будто увидел насекомое.

– А что...

– Все нормальные люди отсчитывают пяткой!

Вышел слуга Василий и стал подбирать осколки стекла, аккуратно обходя ноги хозяина, потом осторожно, ни на кого не глядя, собрал мокрые листы.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал Стравинский. – Пока мы не разругались.

– Никуда вы не уйдете! Будем работать. Василий, где Леонид Федорович?! Он уже позавтракал хотя бы?

Слуга пожал плечами и поспешил скрыться.

– А кто тут должен знать?! Игорь, сейчас оденусь, и мы продолжим, вместе с Леонидом. Я вот хочу, чтобы мы сегодня же вместе прошли первую половину. У нас не так много времени, да нет, у нас вообще уже нет никакого времени! Завтра репетиция с танцорами. И не надо дуться, пожалуйста, Игорь, ей-богу. Я предупреждал, придется труднее, чем когда сочиняешь свое. Как реставрировать ветхий костюм – если тронешь, может рассыпаться! Перголези стоит мучений, уверяю вас. Вы способны услышать его восемнадцатый век и рассказать нам о нем своим неповторимым языком! Беппо, иди же сюда, где ты прячешься?! – зычно крикнул он по-итальянски. – Неси одеваться!

Стравинский долго смотрел на Пантеон, выражение лица у него было уныло-напряженное, толстые губы под идеально подстриженными усами беззвучно шевелились. Наконец он сказал:

– Вернусь часа в четыре пополудни. Или в половине пятого. Сережа, повторяю, подстраиваться под Мясина и его опыты с новыми движениями не намерен, мне не так уж и нравятся эти цирковые номера... – Стравинский приподнял ногу, чтобы показать угловатое движение, но, поймав взгляд Дягилева, осекся.

– А почему ноты оставили? Возьмите, по крайней мере, мой экземпляр с заметками, миленький! – примирительно попросил Дягилев, когда Стравинский взял со стула трость

и шляпу. – Дома пройдете спокойненько.

– Я помню и так.

– Все дуются, все обидчивые, а мне что делать? – проворчал Сергей Павлович, оглядывая костюм, который принес второй слуга, итальянец Беппо, коренастый брюнет с грубыми чертами лица. Итальянец держал одежду перед Дягилевым, смотрел вбок и насвистывал.

– Basta così!¹ Не свисти ты! Сколько раз просил... – накинулся на слугу Сергей Павлович.

– Петь-то мне можно? – огрызнулся Беппо. – Разрешаете, синьор? Или я должен бежать на улицу, как собака?!

* * *

Прошлым летом в августе Сергей Дягилев и солист «Русского балета» Леонид Мясин путешествовали по Италии, они ездили сюда каждое лето, и это была их седьмая совместная поездка. В Венеции, Падуе, Перудже, Виченце, Флоренции – были места, где они когда-то вместе любовались архитектурой и живописью, где Дягилев уже показывал и объяснял Леониду картины и фрески. Именно образы Джорджоне, фрески Мазаччо, мозаики Сан-Марко сблизили их в свое время, позволили развивать «Русский балет» в сложное время войны, в первые годы после русской революции.

¹ Ну хватит! (*ит.*)

В путешествиях время до обеда они проводили, любуясь искусством, в музее или в храме, а вечерами читали или ходили по книжным лавкам. В отличие от сверходаренного в танце, но интеллектуально не слишком способного Вацлава Нижинского, юный Мясин с благодарностью принимал «воспитание» Сергея Павловича, который еще в 1914-м вдруг поверил, что сможет создать из невысокого юноши с красивым лицом нового солиста балета. Дягилев мог бесконечно объяснять своему новому протеже пластику фигур и мифологию в полотнах Джорджоне, эволюцию живописи Тициана, золотистый тон полотен Веронезе, психологическое напряжение героев фресок Мазаччо. Каждый год они слушали в Риме и Милане все сколько-нибудь значимые концерты и оперные постановки. Развиваясь рядом с Дягилевым, Мясин смог стать не только звездой «Русских сезонов»; у него со временем стали появляться идеи балетов.

В августе 1919-го Дягилев и Мясин провели несколько недель в Неаполе. Кроме представлений в театре Сан-Карло, они часто бывали в маленьких «народных» театрах, которые, как и двести лет назад, давали спектакли на площадях. Артисты выступали с марионетками в руках, в костюмах персонажей «комедии дель арте», они пели, танцевали, импровизировали, пародировали известных политиков и прохожих. Такие уличные театры сохранились лишь на юге Италии.

У Мясина появилась мечта – создать нечто подобное балету «Петрушка» на музыку Стравинского, но в стиле народ-

ной неаполитанской комедии, сделать яркую современную постановку, каких еще не было на европейских театральных подмостках. В Неаполе знакомства позволили Сергею Павловичу найти в разделе редких рукописей Национальной библиотеки неоконченные произведения Перголези; копии с них Дягилев торжественно преподнес Мясину в дар.

Преобразовать музыку барокко в «современную» так, чтобы Леонид смог в полной мере проявить талант постановщика, решил Дягилев, сможет как раз автор «Петрушки» – Игорь Стравинский. У композитора идея не вызвала энтузиазма, ему не хотелось быть и прослыть «интерпретатором» и «аранжировщиком» классики – он дорожил репутацией революционера в музыке. Но Дягилев, как обычно прибегнув к сложной комбинации лести, увещеваний и посулов, смог добиться своего: Стравинский взялся за работу.

* * *

Сергей Павлович надел с помощью Беппо рубашку и светлые брюки, потом слуга помог зашнуровать Дягилеву высокие ботинки из мягкой кожи. Подтягивая живот, импресарио сумел застегнуть жилет, потом попробовал влезть в сюртук, но тот не налезал.

– Не надо, слишком жарко, – он бросил сюртук на руки итальянцу. – П-пожалуйста, Беппо, принеси холодного попить. Какой день у нас, среда? Тогда галстук носи синий в

зеленый горох. И духи, ту бутылку, что на полке справа стоит. А сначала сходи и узнай, где Леонид.

– Месье и мадам Серт пришли, – доложил Василий.

– Здравствуй, мой Серж, любимый, – Мися Серт, дама с немного оплывшим лицом, бросилась Дягилеву на шею. – Счастлива, что застали тебя в Риме.

Дягилев отстранился, потом снова, очень крепко, обнял Мисю – мягкую, нарядную и душистую.

– Долго будете обниматься? – Хосе-Мария Серт, похожий на гладиатора из варварской страны, огромный, с лысой, очень гладкой головой и лицом, заросшим черными волосами, взял стул и уселся на него верхом около парапета террасы.

– Люблю тебя, люблю, – шептал Дягилев Мисе, но тут же страдальчески сморщился. – Ты разве не могла мне написать? Хотя бы один раз за эти месяцы?! Вот почему я тебя ищу всегда... только я!

– Ага, не могла, представь себе! Мы жутко долго уже ездим. Сама не помню, как меня зовут и где я.

– Вы же на яхте вроде поплыли?

– Передумали и вернулись. Тоше стало скучно. Потом решили на авто показать Италию маленькой Коко, – объяснил Серт, не поворачивая головы.

– Кому? – поморщился Дягилев.

– Моя новая подруга, – пояснила Мися. – Она вообще в жизни еще ничего не видела. Посмотри, Серж, на мою при-

чески – мы с Коко обе постриглись. О! У нее драма, жуткая, расскажу потом... Жожо показывал ей города и остальное, а мне пришлось таскаться с ними. У тебя тоже жарко, Дяг! Не могу-у, – Мися закатила глаза. – Беппо, мне воды со льдом и белого вина! Неси просекко, пожалуйста! – звонко приказала она, упав на подушки дивана. – Ты похудел, мой Серж...

– Ты смеешься, это не так, – смущенно протянул Сергей Павлович, украдкой опустив глаза на свой живот и расправив платок в нагрудном кармане. – Почему всегда шутишь надо мной?

– Коко ждет нас через пятнадцать минут, не засни тут, Тоша, – Серт говорил по-французски с сильным каталонским акцентом, из слов получалась картавая каша.

– Хотите сразу меня покинуть? – взмолился Дягилев. – Так нельзя, Мися! Ты мне нужна сейчас! Миленькая, надо поговорить!

– Да я не ухожу. Жожо, слышишь меня? Гуляйте с Коко по жаре без меня, – Мися приоткрыла один глаз, удостоверилась, что муж послушно ушел, стянула с головы шляпку и запустила в угол. – Серж, ну подойди, поцелую еще раз.

Сергей Павлович погладил Мисю по остриженным волосам, поцеловал ее пальцы и сел в кресло рядом.

– Вот и очень хорошо, – мурлыкала Мися. – Надоело по музеям ковылять, там воняет плесенью, все я видела тысячу раз. А Беппо куда делся? Просила же!

Слуга с подносом уже был в комнате; он молча поставил

напитки, лед, вазу с клубникой на столик.

– Знаешь, у моего Беппо в феврале умерла жена, наша добрая Маргарита... я плакал, так страдал, будто потерял близкого, – шепотом сказал Дягилев, когда слуга вышел. – А тут еще этот сезон, который будет. Тринадцатый! Я не знаю, что делать, Мися, – тринадцатый, представляешь?!

– Сделай ты его четырнадцатым, ага, подумаешь. Бедный мой, ты такой добрый всегда, такой добрый... я соскучилась, Серж... вы здесь с Лёлей?

– Да. А впрочем, не знаю, мне кажется теперь, что я все время один, – Сергей Павлович поправил монокль, сверкнув перстнем. Черные крашенные волосы подчеркивали бледность его лица и яркую, единственную седую прядь, из-за которой в труппе за глаза Дягилева называли «шиншиллой».

– Где Лёля?

Дягилев насупился:

– Леонид Федорович не считает нужным докладывать, где и с кем проводит время.

– Вы разве не в одном номере?

– Мися, это жестоко, ты не подруга! Пропустила важное... Мы давно нанимаем разные апартаменты. Хотя пока – пока что! – сюда приехали вместе. Но живем врозь. Девушки из кордебалета вешаются на него, я ничего не могу сделать, – тихо пожаловался Дягилев. – Лёля не понимает, какой вред наносит себе! Искусству особенно!

– Как грустно, Серж.

– И это даже не самое страшное, Мися моя! Я фантастически одинок, живу в придуманном мире, совершенно без опоры, понимаешь? Ладно, я давно не знаю, куда мчится моя жизнь. Но так было всегда! Мне особенно страшно, что больше не вижу смысла в балетах. Не понимаю, куда могу двигаться – и куда хочу идти. Да, вот главное – чего я сам хочу, собственно? При этом сто с лишним человек артистов верят, что я способен год за годом придумывать новое и вести их вперед! Кормить их еще надо, а они никогда это не ценят, такие люди...

– Ты и правда можешь, Серж, просто тебе надо отдыхать больше, – Мися принялась за душистую клубнику.

– Сломалось что-то во мне. Может быть, это после кошмара с Феликсом, – он потер лоб, снова сморщившись.

...В сентябре 1919 года во время гастролей с труппой «Русского балета» в Лондоне сошел с ума талантливый испанский танцор Феликс Фернандес; он был слишком ранимым, слишком гордым.

– Да, ты написал мне, это ужасно, Серж. Где теперь тот мальчик?

– В лечебнице для душевнобольных, – Дягилев поморгал и вздохнул. – Леонид тоже стал странным, часто смотрит на меня таким взглядом, знаешь, – словно чужой, оценивает этак недобро. Но главное, меня пугает, что вот-вот мне самому станет вовсе не интересно заниматься балетами. Что делать тогда? Продать старые постановки? Вместе с ар-

тистами? Заниматься выставками картин? Я даже не знаю, где набирать новых танцоров. Они обязательно будут нужны, а Россия теперь для меня закрыта.

– А в Европе? Разве нет хороших?

– Если в «Русском балете Сержа де Дягилефф» будут танцевать итальянцы, англичане и французы, придется менять название. Публика не поймет, если в программе одни иностранцы или даже если много иностранцев... Мися, у меня вот мачеха умерла, а я даже не смог ее проводить, побоялся вернуться в Россию, вдруг потом не выпустят. Она болела долго, страдала – я ее любил, всегда! У меня ведь не было матери, умерла при родах, – Дягилев всхлипнул.

– Моя тоже, – пожала плечами Мися, облизывая кончики пальцев. – Но на один день раньше, чем твоя, и тоже в России. Как мы похожи, Серж.

– Я всегда помню это! Мы с тобой родились почти одновременно, как близнецы, и оба сироты... ох, еще не знаю, что там с моими младшими братьями, совершенно не знаю. В России так опасно. Ночью просыпаюсь, в Лондоне или вот в Риме, даже и в Париже, и совсем не понимаю – кто я, зачем живу. Сердце стучит, в ушах словно метроном тикает, и громко так, мне страшно! Я один, Мися, только ты у меня осталась, миленькая, родная моя.

Мадам Серт села на подлокотник кресла, склонилась к его лицу и стала осторожно вытирать платком мокрый лоб.

– Бедный мой, бедный. Это мы стареем. Скоро и тебе, и

мне будет пятьдесят. Ужас какой-то.

– Ты что! Я не верю.

– Не бойся, ты ведь моложе меня на целый день, дорогой, – тихо сказала она. – Мне тоже часто бывает грустно. Повезло, конечно, что Жожо так меня любит, канючит постоянно: «Тоша, идем купим тебе то, Тоша, я принес тебе это!» Но в последнее время все равно я много плачу. А Лёля хороший мальчик, и он тебе благодарен. Вот уверена.

У Дягилева по лицу по-прежнему текли слезы.

– Ты устал... Вы что, поссорились? – вкрадчиво спросила Мися, проводя ладонью по крашеным волосам Сергея Павловича. – Расскажи, расскажи мне все.

– Чудесно пахнет твой платок, Мися. Что это?

– Не помню. «Коти», что ли, или, наоборот, «Герлен».

Убей не помню, ага, Жожо купил.

– Боюсь, у Лёли роман, с женщиной, с одной из наших, – прошептал Дягилев словно через силу.

– Не может быть! А порошок у тебя есть?

– Василий! Сейчас Василий принесет.

Полчаса спустя Мися и Сергей Павлович оживленно обсуждали музыку новой постановки.

– Идея с пением мне нравится; это даст объем действию, – Мися вытянулась на диване и с удовольствием рассматривала свои туфли бледно-бежевой кожи. – Ведь правда, когда мы показываем Неаполь, должен быть вокал. Если уж они там на юге танцуют, то обязательно поют при этом! А насчет

новых танцоров, Серж, можно не волноваться, к тебе пойдут лучшие! Все хотят славы – и только ты даешь ее, мировую славу! Французов лучше не бери, замучают претензиями, да и итальянцев не надо, слишком много болтают. Пригласи англичан, дай им русские фамилии... если, например, Смит – то будет Петров! Ага. И тогда твои балеты останутся русскими, – рассуждала Мися, обмахиваясь «веером Малларме», с которым не расставалась; поэт несколько лет назад написал на веере посвященное ей стихотворение.

– Какая светлая голова у тебя, миленькая моя Мися!

– Покажи, что за арии придумал наш Игорь. – Мися, потягиваясь, поднялась с дивана.

Они сели к роялю, рядом. Дягилев начал играть, тихо подпевая; лицо его стало по-детски спокойным и умиротворенным, он помолодел и похорошел.

– Ага, он убирает завитушки со старой музыки, – Мися проворными пальцами подыграла Сергею Павловичу в верхней части клавиатуры. – Как остро получается!

Мися была единственным человеком, чей музыкальный вкус Дягилев признавал безошибочным, иногда более точным, чем собственный.

* * *

Они подружились еще в 1908 году, с тех пор Мися помогала «Русскому балету».

Утверждали, что ребенком она сидела на коленях у Ференца Листа, который якобы был тайным отцом одного из детей ее бабушки по матери, талантливой музыкантши. Отец Миси был скульптором, но после того, как его жена умерла при родах, приехав к мужу и разродившись дочерью буквально у порога его мастерской в Царском Селе, воспитанием Миси занимались многочисленные родственники. Мария-София-Ольга-Зинаида Гodeбска, которую с детства все называли Мися, воспитывалась у бабушек и тетюшек, некоторые из них были высокородными, а другие очень богатыми. Девочка рано проявила необычайные музыкальные способности. В пятнадцать лет она гастролировала в качестве пианистки, знаменитый французский композитор Габриэль Фаре считал ее своей самой талантливой ученицей. В двадцать один Мися Гodeбска вышла замуж и больше никогда не выступала. Первый ее муж, Натансон, был журналистом и совладельцем журнала об искусстве – «Ревю Бланш». В доме юной Миси художники и поэты дневали и ночевали, все пели оды прекрасной мадам Натансон. Второй муж Миси, Эдвардс, был богаче и гораздо могущественнее первого, его собственностью была самая популярная газета Франции – «Ла Матан», вдобавок он владел заводами и фабриками. Когда мадам Натансон сделалась мадам Эдвардс, у ее ног оказался весь богемный Париж, от Пруста и Ренуара до Кокто и Дягилева. Царствовала она весело. Одним из секретов ее успеха – кроме пышного бюста и живости нрава – было

необыкновенное чутье; она умела определить, чьи произведения станут цениться и кто из творцов войдет в историю. Кроме того, Мися была щедрой, благотворительствовала без счета.

Первым мужчиной, которого Мися полюбила, стал художник из Каталонии Хосе-Мария Серт, ее третий муж. Благодаря связям жены, но также благодаря своей работоспособности и таланту, Серт получал много заказов и выполнял их с блеском. Он придумывал декорации к балетам Дягилева, проектировал дома и банки Ротшильдов, обставлял дворцы и апартаменты знатных заказчиков, сотрудничал и с Голливудом. Главная способность Серта была – создавать антураж роскоши. Главный талант Миси – быть воплощением, самой сутью роскоши.

Единственным человеком, которым она восхищалась неизменно уже больше десяти лет, был Сергей Дягилев. Она не могла его до конца понять и не сумела подчинить, несмотря на то что он нуждался в ней. Мися часто давала деньги на постановки, а когда не имела такой возможности, помогала найти благотворителей.

– Я просил его убрать барочные украшения в старой музыке, мы эти дни много работали. Но вдруг сегодня наш маленький Игорь стал капризным. Может, устал, – пожаловался Дягилев, разбирая собственные пометки в нотах. – Вспылил и сказал, что поработает у себя. В этой арии слова еще не знаю какие, а тенор петь будет так: «О-а-а...» – громко

озвучил он.

Свой голос Дягилев сам признавал «сильным, но довольно-таки противным».

– Либретто уже есть?

– Да, его Лёля написал, вышло весело, просто отлично. Уверяю тебя, я только дал ему книги, почти ничего не подсказывал. Лёля очень одаренный... ни в одном из танцовщиков я не встречал такой блестящий ум! Знаешь, как будет называться спектакль? «Пульчинелла».

– Не слишком просто?

– Добрый день, мадам Серт, – сдержанно произнес Леонид Мясин, входя в зал. – Название и должно быть простым.

Мися, будто внезапно обессилев, снова перебралась на диван. Ее лицо, запечатленное великими художниками, с возрастом отяжелело, уголки глаз опустились, маленький рот уже не был ярким, а губы стали тонкими и часто кривились язвительно. Полулежа на подушках, она прикрыла раскрасневшееся лицо веером.

– А где вы были все утро, Леонид Федорович? – срывающимся голосом спросил Дягилев.

– У Чекетти, разумеется, – необычно длинная шея танцора вытянулась еще больше, круглые глаза помрачнели.

Мися наблюдала сквозь ресницы. Вдруг она встрепенулась:

– Лёля, прекрасный сапфир у тебя, еще чище, чем прошлогодний!

В конце каждого сезона Дягилев дарил любимцу перстень с сапфиром.

– Что вы делали у Чекетти сегодня? – любопытствовала Мися.

– Это был ежедневный класс, – ответил Мясин раздраженно. – Сергей Павлович прекрасно знает, чем мы там занимаемся каждый день.

Дягилев и Мися переглянулись, словно родители, уличившие ребенка во лжи.

– Ну, покажи мне какую-нибудь сцену, – попросила Мися. – Серж, подыграешь?

Беппо принес Мясину балетные туфли и помог переобуться. Следующие три с лишним часа танцор показывал и объяснял придуманные и записанные им в специальную тетрадь движения и па, они с Сергеем Павловичем проходили картины будущего балета, подробно и не торопясь, не обращая внимания на духоту и жару. Мясин изображал разных персонажей, показывал характеры, объяснял мизансцены. Дягилев подыгрывал на рояле, пропевал фразы арий или отбивал такт ладонью на крышке рояля. Мися следила за представлением, иногда аплодировала, иногда морщилась и зевала, а то просто дремала, отхлебнув шампанского.

Но реагировала всегда к месту:

– Лёля, а это девушки у тебя так будут танцевать? Не будет па-де-бурэ здесь смотреться грубо?

– Наоборот! – Дягилев смотрел то на ноги танцора, то в

ноты, будто проверяя согласованность. – Как можно больше вольностей, так и должно быть в народной комедии. Не хочу видеть салон и будуар, нужны танцы на площади, понимаешь?

– Но можно поставить па-де-ша, наверное, вот такую дорожку, и потом будут пируэты, – Мясин показал серию шагов, покрутился на одной ноге и вопросительно посмотрел на Дягилева.

– Ни в коем случае смягчать не надо! Все должно поражать: обновленная музыка Перголези – Стравинский. Лучший хореограф – Мясин! Костюмы и декорации – Пикассо! Мы ставим для внуков, а не для дедов.

– Значит, Пикассо согласился? – встрепелась Мися. Ее секрет был в том, что она сама уговорила художника участвовать.

– Еще зимой, – кивнул Дягилев. – Но сперва сделал ерунду, хотел просто повторить старое. Я решительно не позволил, со мной такие штучки не проходят! На той неделе в Париже он покажет мне новые эскизы.

Мясин дополнял заметки в тетради, рисовал небольшие схемы, обозначая точками и стрелками передвижение танцоров, записывал подходящие па.

Черты лица Мясина были правильными и мелкими, уши торчали, круглые глаза смотрели не мигая, что делало его похожим на совенка. Но когда он обдумывал идеи или слушал замечания Дягилева, на его губах появлялась живая улыбка,

лицо становилось очень привлекательным.

– Ты такой красивый, Лёля, – сонно пробормотала мадам Серт и снова прикрыла глаза.

Стравинский пришел в разгар работы и, поцеловав руку Мисе, нежно и почтительно ее приобнял. Затем он сменил Дягилева за роялем. Сергей Павлович свободно расположился в кресле и, по-прежнему не спуская глаз с Мясина, комментировал мизансцены и рисунок танца. Леонид последовательно показывал партию каждого персонажа, так что Стравинскому приходилось повторять один и тот же музыкальный фрагмент несколько раз; он не роптал – наоборот, казалось, повторы его вдохновляли, композитор вносил исправления прямо в партитуру.

Репетиция не прервалась, даже когда явился Василий с бритвенными принадлежностями на серебряном подносе. Слуга обвил шею Сергея Павловича белой салфеткой и молча побрил ему щеки, оставив лишь тонкие крашенные усики, потом налил себе на ладони духи «Митцуко» и натер ими шею и затылок хозяина.

Работали до вечера, затем зашли Серт с худой брюнеткой – и все отправились обедать.

* * *

В кафе «Араньо», известном месте встреч художников и писателей, пахло кофе и жареным мясом. Народу было мно-

го, но в небольшом третьем зале стоял лишь один нарядно сервированный стол. Компания сразу направилась туда. Из-за стола навстречу пришедшим поднялся веселый бородач.

– Знакомьтесь, это мадам Серт. А это Михаил Семенов, наш ангел-хранитель, – представил бородатого человека Дягилев.

– Поклонник и скромный помощник гениального Дягилева в Риме, – поклонился Семенов.

За ужином Дягилев продолжал обсуждать с Мясиным хореографию «Пульчинеллы». Стравинский сел между антрепренером и Мисей, по правую руку от нее два стула занял огромный Серт. Рядом с художником села миниатюрная женщина в белой шляпке-чалме, похожая на веселого мальчика, та самая, что гуляла с Сертом по Риму; она застенчиво улыбалась и все время курила.

– Бенито передает тебе привет, – сказал Михаил Семенов импресарио. – Он не знал, сможет ли присоединиться к нам сегодня, но до твоего отъезда обязательно хотел бы увидеться. Или, может быть, заглянешь завтра к Маргерите?

– Завтра проводим первую репетицию, пройдемся по готовым сценам, – пожал плечами Дягилев. – Никак не успею. Пожалуйста, скажи им, что я очень хотел бы увидеться, но не смогу.

С Бенито Муссолини и его любовницей, Маргеритой Сарфатти, Дягилев был знаком с 1911 года. Во время первых гастролей «Русского балета» в Риме Муссолини писал востор-

женные рецензии на спектакли русских в самой популярной газете Италии – «Аванти».

– Да, и еще Бенито спрашивал, хорошо ли труппа устроена здесь, но я его заверил, что все в порядке.

– Неплохо, в том числе благодаря тебе, мой прекрасный друг, – Дягилев похлопал Семенова по спине.

Михаил Семенов переехал в Рим из Москвы еще до войны. Каждый приезд Дягилева был для него и праздником, и испытанием; Семенов не только бывал на всех представлениях, был допущен на репетиции, чем очень гордился, но и помогал решать проблемы, которые сопровождают жизнь неприкаянных людей, артистов балетной труппы. То не всем хватило места в удобной гостинице, то возникла драка из ревности – и вот побиты все стекла в ресторане, или ограбили балерину на улице, она от расстройства не может танцевать; Семенов помогал, чем мог.

Сначала пили шампанское, ели сыры, домашнюю ветчину, клубнику и черешню. Серт рассказывал Семенову о последней поездке по Италии, они поговорили о Венеции, сравнивая Тициана и Веронезе. Сергей Павлович что-то тихо объяснял Мясину и время от времени чертил в его блокноте. Мися сыпала шуточками про «надоевших допотопных» художников в итальянских музеях.

Спустя полчаса перед каждым поставили по глиняному горшочку с горячим – тушенное в вине мясо с запахом розмарина и горных трав. К горячему подали прошлогоднее до-

машинное вино, пюре из каштанов и зеленый салат.

Дягилев, задумавшись, энергично орудовал вилкой; он ел быстро и проглатывал куски, почти не разжевывая. Мясин бросал неприязненные взгляды на ошметки еды, вылетающие из горшочка Сергея Павловича.

– Газеты пишут – Муссолини становится известным? – обратился Стравинский к Семенову.

– Да, все рады, что появился человек, которому не наплевать на Италию и итальянцев. У Муссолини будет своя партия, и тогда он наверняка, и очень быстро, сможет попасть в парламент.

– Что один человек может сделать в итальянском парламенте, где все громко кричат? – усомнился Серт. Он, как и Дягилев, быстро и с удовольствием съел свою порцию баранины и заказал себе еще.

– После войны многие поддерживают Муссолини. Маргерита мне рассказывала, что, когда он этой зимой ездил по стране и выступал перед простыми крестьянами, люди принимали его восторженно. Бенито выступает перед публикой очень хорошо, не хуже, чем пишет статьи, уверяю вас! Он ведь из простой семьи, а это тоже вызывает доверие людей. Именно после этой поездки Бенито задумал организовать собственную партию, «Итальянский союз борьбы». Он создаст партию простых итальянцев, – объяснял Семенов. – Вот увидите, в парламенте с Муссолини будут считаться.

– Не могу слышать это всё – парламент, партия! Гадость

какая-то, – скривилась Мися. – Давайте лучше о новом балете... Лёля, расскажи нам... – Но, быстро взглянув на злое лицо Мяси́на, она осеклась, замолчала. – А! Серж, Игорь! Серж, слышишь меня? Хочу вам представить будущую знаменитость, ага, – Габриэль Шанель! Или просто Коко. Она шьет модную одежду для дам!

Брюнетка, подруга Миси и Серта, за все время выпила лишь полбокала шампанского и съела кусок овечьего сыра. Жесткие завитки ее каштановых волос выбивались из-под шляпы-чалмы, брови были густыми, почти срослись на переносице. Посадка головы у нее была горделивая и задорная.

– Вы из Парижа, мадам? – вежливо поинтересовался Семенов.

– Мадемуазель Габриэль-Бонэр-Шанель, вот так, – подсадила Мися, не к месту расхохотавшись.

– Да, в основном работаю в Париже. В Довиле у меня тоже есть магазин. Еще в Биаррице, – Шанель взяла папиросу из изящного портсигара, Стравинский поднес ей горящую спичку.

– Серж, когда-нибудь Коко сделает костюмы для твоих балетов, – громко объявила Мися.

Дягилев поправил монокль и, треугольником подняв брови, серьезно уставился на модистку.

– Ну, не знаю, – неуверенно пробормотала Коко, словно торопясь предвосхитить отказ.

– Между прочим, – Мися несколько не смутилась молча-

нием Сергея Павловича, – я считаю, у вас много общего. И Коко, и ты, Серж, пытаетесь поймать ветер, запечатлеть прозрачный иероглиф времени! Как на рисовой бумаге, еле видный всем знак... – Мися потрясла кистями рук, изображая подобие танца. – В общем, вы его проявляете.

– Поведайте, пожалуйста, какие будут новые постановки, Сергей Павлович? Чего ожидать публике в качестве такого знака времени? – Семенов поменял тему, понимая, что Дягилев может обидеть подругу Миси. Если уж он был способен оскорбить великого Пикассо и задиристого Сати, что говорить о маленькой портнихе?

– Нужны деньги на новую постановку «Весны». – Дягилев вдруг обнаружил, что съел горячее. Внимательно осмотрев и тщательно почистив стенки керамического горшочка, он поднял руку и попросил у официанта еще порцию. – Пока мы сидели в Лондоне, я понял, что «Весна» сейчас, спустя семь лет, снова может иметь успех. Но теперь еще и наш Лёля может ее поставить по-новому! – Дягилев повернулся к Мясиному, словно ожидая похвалы за щедрое предложение.

Мясин чуть опустил голову, сначала никак не отреагировав. Затем, неожиданно побледнев, играя желваками, тихо сказал по-русски:

– Вечно ты, еще не прожевав один кусок, бросаешься на другой! Как... будто голодный!

Только четверо за столом понимали по-русски, но все слышали раздражение в реплике Мясиного.

В 1913 году постановка балета «Весна священная» на музыку Стравинского в Париже закончилась скандалом, небывалым даже для Парижа. Предлагая зрителям в Театре на Елисейских Полях этот спектакль, Дягилев будто нарочно испытывал их терпение, провоцировал. Перед этим он поразил Париж половецкими плясками, и это тоже была экзотика, но что-то подобное, похожее на цветное раздолье половецких плясок, европейцы уже видели в арабских странах. А вот мир языческой Руси не только никто не представлял, но даже никогда о нем не задумывался! Парижанам было непонятно: шкуры, длинные косы, обмотанные тряпками и шнурами ноги, дикие нравы и первобытные представления о законах мироздания – это правда так было на далеком севере? Или русские преувеличивают, фантазируют, изображая первобытные пляски вокруг огня и поклонение медведю? И как можно, как Дягилев додумался вывести на парижскую сцену подобное? Балет о языческих обычаях, подчеркнуто уродливые движения? Это же театр! Не цирк, не зоопарк! Разумеется, просвещенным людям известно, что мир населяют самые разные народы, в том числе и дикари: в парижском зоопарке часть территории выделили таким черным «зулусам», чтобы можно было прийти и посмотреть, насколько эти несчастные отличаются от цивилизованной публики. Нет, их, дикарей,

не держат в клетке, словно зверей, но на ночь территорию за-
пирают – ради безопасности парижан и, конечно, ради блага
самых «зулусов». Однако это ведь зоопарк! Не изысканное
искусство балета!

Русские во главе с Дягилевым, видимо, решили поизде-
ваться над парижанами: зрителей шокировали костюмы, сю-
жет, движения танцовщиков и музыка. Все вызывало ярост-
ное отторжение, люди возмущались, вопили и свистели, то-
пали, отстукивали такт ладошами, колотили по спинкам кре-
сел, стучали по головам впереди сидящих. Дирижер несколь-
ко раз порывался остановить оркестр, но Дягилев приказы-
вал: «Продолжать при любых условиях!» Время от времени
Дягилев все же пытался увещевать зал: «Господа, дайте ар-
тистам закончить спектакль!», но это не действовало. Тогда
он принялся включать и выключать свет в зале, но публика
возбуждалась еще сильнее. Мися Серт потом хвасталась, что
дала пощечины по крайней мере двоим крикунам.

Артисты на сцене сбивались с такта, терялись, за кули-
сами они дрожали и плакали, собравшись группой. Нижин-
ский, протанцевав свою партию, вышел за кулисы с белым
лицом, а едва действие закончилось, у него началась истерика:
это был его первый опыт постановщика. Рыдающий Вацлав
Нижинский под охраной слуги Василия пробирался к арти-
стической уборной; разъяренная толпа лезла на сцену и за
кулисы.

Дягилев после представления объяснил журналистам, что

зрителей «просто охватил вихрь первобытной энергии» и «это именно тот эффект, которого я добивался», спокойно добавил он. Спектакль, по его словам, «очень даже удался» и будет идти снова. После такого «Русский балет» обсуждал весь Париж.

И сейчас, спустя семь лет, Дягилеву снова хотелось подобной яркой вспышки. В течение Мировой войны и после революции в России труппа пережила время кризиса, потеряв былую популярность. Сейчас Дягилев чувствовал, что настал момент снова заявить о себе, возобновить масштабные европейские гастроли. Он верил, что, поставив свой любимый спектакль – «Весну священную», – сможет привлечь внимание к труппе.

– Снова всех раздражить, ага! – глаза Миси загорелись. – У тебя остались костюмы и декорации?

– В Лондоне я встречался с Рерихом, он отдаст мне старые эскизы, сможем сделать заново. Но если уж восстанавливать балет, то с размахом.

Дягилев посмотрел на надувшегося Мяси́на, потом повернулся к Мисе:

– Леонид Федорович, когда освободится, приступит к работе над «Весной». Он теперь лучший хореограф в мире.

– О да, Лёля – уникальный, – усмехнулась Мися. Она хорошо помнила слова Дягилева, сказанные года четыре назад: «У Мяси́на смазливая физиономия, но посредственные но-

ги, он никогда не будет танцевать как Вацлав Нижинский».

– Чтобы наделать еще больше шума, чем в тринадцатом году, нужны большие деньги, – повторил Дягилев. – В Лондоне зимой я говорил с Мод Кунар.

– Ага, отлично придумал, – похвалила Мися. – Она точно поможет.

– После неуспеха в Лондоне нашего «Соловья»? – задумался Дягилев. – Его там приняли совсем не так, как я рассчитывал... не думаю, что Мод Кунар даст много. Хотя посмотрим, завтра напишу еще леди Рипон и ее дочери.

– Я тоже могу послать ей телеграмму с просьбой, – предложила Мися.

– Не надо, даже прошу вас этого не делать, мадам Серт, – оборвал ее Дягилев, вдруг перейдя на официальный тон. Он снова принялся заглатывать еду.

Прошлогодние гастроли «Русского балета» в Лондоне, городе обычно более чем благосклонном к Дягилеву, закончились финансовыми неурядицами и, что еще хуже, охлаждением отношений с некоторыми покровителями. Получилось так из-за нервных срывов Сергея Павловича, в таком состоянии он мог не прийти на важную встречу или накричать на кого угодно.

* * *

Ужин завершился овечьим сыром, гранатами, орехами и

жареными каштанами. Серт выхватил счет у официанта и, надев круглые очки в роговой оправе, достал из кармана несколько купюр. Потом он стал хватать за руки Семенова, который тоже порывался заплатить. При выходе из «Араньо», заметив, что Мися обиженно поджала губы, Дягилев взял ее под руку и стал нашептывать что-то, упустив из виду скрывшегося в темноте Мяси́на, который ни с кем не попрощался. Серт и Семенов продолжили разговор о Муссолини. Стравинский сопровождал Шанель.

– Значит, вы сейчас путешествовали с Сертами по Италии, мадемуазель? – композитор украдкой разглядывал спутницу; она была одета неброско.

– Да, – Коко улыбалась, кивала, но отвечала односложно. – Почти два месяца. На авто, мы его арендовали.

Они были примерно одного роста, оба худые. Яркий костюм композитора, делавший его похожим на щеголеватого летчика, словно специально отвлекал внимание от огромного носа и больших ушей, Стравинский был некрасив.

– Могу я спросить, что запомнилось вам больше всего? Какой-то город? Или же музей?

– Часовня в Падуе, там было странно. – Шанель замолчала надолго. Когда она не курила, то шла, засунув руки в карманы жакета, и напоминала худого мальчишку. Короткие кудрявые пряди, выбивавшиеся из-под шляпы на висках и затылке, делали ее облик дерзким и моложавым.

Стравинскому хотелось понять, что привлекло Мисю

Серт в этой женщине. Композитор знал Мисю больше десяти лет, она оставалась для него непостижимой. Он знал, что Жан Кокто называл ее «тетушкой Брут» и «абортисткой» из-за каких-то своих обид. Композитор Эрик Сати, кумир Стравинского, высказывался о ней с симпатией, но тоже хлестко. Противоречивая мадам Серт была важным человеком для Стравинского: за двенадцать лет он не раз обращался к ней с просьбами о деньгах, и она помогала. Что еще важнее, Мися не единожды мирила его с Дягилевым после ссор и скандалов.

– В Падуге, – сказала Шанель, – я поняла, что мне надо возвращаться в Париж. Больше всего устаю от праздности, пора продолжить жизнь диктатора.

– Диктатора, мадемуазель? – Стравинский остановился.

– Это означает работу с раннего утра до позднего вечера. И успех, конечно! Все же я работаю для людей. Если тебя не замечают, значит, ты делаешь что-то неправильно. Еще это означает одиночество. Хотя у меня только в Париже на Рю Камбон работает больше ста сотрудниц, – она говорила все быстрее и увереннее, голос был резкий, с металлическими нотами.

«Так разговаривают молодые крестьянки», – подумал Стравинский.

– Значит, вы – укротительница парижской моды, мадемуазель?

– Она не бывает парижской или лондонской, – серьезно

ответила она. – Мода принадлежит времени, а не пространству. Не какому-то городу или стране, а своему времени. Мы сто раз говорили об этом с Мисей.

– Как и музыка! – поразился Стравинский.

– Жожо Серт считает, что у моды и театра много общего. И то и другое творится на сцене. В общем, я у себя делаю собственные представления, и надо, чтобы женщины захотели им подражать. А еще мне надо продавать то, что я показываю, – усмехнулась она.

В Шанель было несочетаемое; она казалась хрупкой и в то же время непреклонной. Словно молодой бычок, готовый сражаться. Рядом с ней Стравинскому было весело, будто он беседовал с умным, энергичным подростком.

– Друзья, здесь прекрасное вино из Орвьето, зайдём? – предложил Семенов у старой траттории на площади перед Пантеоном. – Всего за три франка! – Они с Сертом вошли, не дожидаясь остальных, Стравинский с Шанель последовали за ними. Мися с Дягилевым остались у фонтана, они спорили, жестикулируя.

– Синьор Чекетти! Синьора! Какая встреча, рад видеть вас, очень рад, – Стравинский увидел за столиком пожилого человека и рядом даму, их можно было принять за близнецов, настолько они были похожи. Только у дамы на голове были седые букли, а Чекетти был совершенно лысым. – Мадемуазель Шанель, знакомьтесь, это добрый ангел «Русского балета» и его супруга.

Семидесятилетний Энрике Чекетти, когда-то лучший танцор миланского театра, свободно говорил по-русски, за полвека своей карьеры он больше пятнадцати лет проработал в России. Репетитором «Русского балета» Чекетти стал еще в 1910 году; он проводил ежедневные классы, когда коллектив оказывался в Риме. Чекетти по вызову Дягилева выезжал также в Париж и Монте-Карло, чтобы заниматься с труппой и отдельно – с солистами.

– Сергей Павлович с вами? – поинтересовался мэтр Чекетти.

– Да, он там, – ему указали на фигуру у фонтана.

– Прекрасно, – оживился старый танцовщик. – У меня много вопросов по завтрашней репетиции!

Лицо его жены-«близнеца» в точности повторяло выражение лица старого танцовщика, Дягилев звал ее «Чекетти в юбочке».

Когда Мися и Дягилев вошли в тратторию, все расселись за небольшими столиками семейного заведения.

Стравинский и Шанель оказались вместе.

– У Антония Падуанского, – разоткровенничалась модистка, – все просят найти пропажу, что-то утерянное. Мне это рассказал Серт, он в Италии знает все, он здесь путешествует как фавн по родному лесу и никогда не устает все объяснять такому невежеству, как я. Жожо часами может говорить об использовании красного лака у Тинторетто или о чем-то подобном. Когда ты с ним, то выходишь из музея с

чувством, что побывал в мастерской близкого друга всех художников. Но мне надо было попросить у Антония Падуанского, чтобы я перестала плакать. Два месяца назад я тонула в море слез...

— Простите, мадемуазель, можно спросить, что с вами случилось? Если это не слишком бестактно с моей стороны?

— А! Потом расскажу. Впрочем, ладно: в декабре погиб мой любимый. Разбился в авто, у него колесо... на ходу, — Шанель быстро закивала, ей понадобилось какое-то время, чтобы успокоиться. Она моргала и смотрела в сторону, затем вздохнула. — В Падуе я была в часовне святого, между красивыми саркофагами, и умоляла святого Антония смягчить мое горе. Чтобы я могла дышать. И там я увидела пожилого мужчину, он положил голову на могильную плиту, шептал что-то, закрыв глаза, бился лбом о мраморный пол, и в нем была такая боль, такая изнуренность страданием — я была потрясена! Тогда со мной случилось чудо.

— Ага! Секретничаете? — громко спросила Мися из-за соседнего стола.

— Мадемуазель рассказывает о поездке и о том, как вы добры к ней, — объяснил Стравинский.

Мися нахмурилась, наблюдая, как Дягилев пишет записку на листке, вырванном из рабочего блокнота.

— Серж, это смешно! — Мися ловко схватила листок. — Дай сюда!

— Не трогай, Мися! Отдай! — Дягилев проворно вернул за-

писку себе. – Вот пусть отыщет его в лабиринтах порока! Василий все равно весь день без дела дрыхнет на моей кровати!

– Зачем опять посылаешь Василия следить за Лёлей? – прошипела Мися. Все сделали вид, что не слышат. – Не хочу, чтобы ты был смешным. Я запрещаю!

Дягилев вместо ответа громко окликнул мальчика, сына хозяина трактира, чтобы послать его с запиской в отель. Мися и Сергей Павлович стали ссориться вполголоса.

– Чудо было в том, – сказала Шанель, – что там, в часовне Антония Падуанского, мне открылось, что я хнычу как ребенок, выпрашивая, чтобы меня пожалели. А ведь мое горе не идет ни в какое сравнение с исступленной болью того человека, который бился головой об пол. Так я исцелилась от моих слез, во мне снова проснулось огромное желание жить! Через два дня вернусь в Париж, буду работать, чувствую в себе новые силы.

Стравинский рассматривал собеседницу: рассуждая о трагичных обстоятельствах собственной жизни, она широко улыбалась. Его поразило: эта женщина что, никогда не жалуется? Не жалеет себя? Смогла ли она подчинить свой страх – или его не было?

Париж, театр «Гранд-Опера», май 1920 года

Премьера «Пульчинеллы» была намечена на пятницу. С понедельника шли репетиции: танцоров и певцов по отдельности, оркестра с певцами, затем прогоны всем составом. В среду Дягилев с десяти утра восседал перед сценой, положив подбородок на серебряный набалдашник трости. На сцене была установлена декорация, сконструированная в виде трехчастной ширмы. В ее боковых частях на полотнах материи были крупно изображены фасады домов с дверьми и окнами, а в центре открывался неаполитанский пейзаж: море, рыбацкая лодка, контур горы и луна. Рядом с Дягилевым сидел режиссер Григорьев, «папа Григорьев», как его звали в труппе. По другую руку – помощник и родственник Дягилева, Павел Корибут-Кубитович, крупный человек преклонных лет, «Пафка»; он был утешителем, «валерьяновыми каплями», как выражался Сергей Павлович. Необыкновенно выразительная физиономия Пафки чутко отражала, сильно преувеличивая, эмоции Дяга, иногда обнаруживая даже те чувства, которые импресарио хотел бы скрыть; на круглом, как подсолнух, и всегда обращенном к родственнику лице Корибут-Кубитовича выражения нежности, гнева и страдания мелькали словно на экране синематографа.

Был объявлен перерыв, Дягилев и его помощники вполголоса обсуждали список гостей на завтрашнее представление «для своих». Одновременно Григорьев вносил фамилии в другой список: это были люди, которых Дягилев ни в коем случае не хотел видеть на премьере, в основном «недружественные» журналисты и бывшие единомышленники, которые, к возмущению импресарио, сейчас сотрудничали с конкурентами. Например, Ида Рубинштейн и Леон Бакст.

– Пафка, еще сегодня позвони мадам Серт, передай, я прошу ее завтра прийти пораньше, часов в пять пополудни. Специально скажи: Серж просил не опаздывать.

За спиной Дягилева весь день сидел слуга Василий с графином и полотенцами. Обязанностью слуги было «про себя» творить православные молитвы, таким образом помогая барину защитить новорожденное действие от порчи и сглаза. Василий, благообразный старик, молча шевелил губами и время от времени быстро крестился.

Стравинский разговаривал с музыкантами в оркестре, объяснял что-то в партитуре. В конце перерыва в оркестровую яму, дожевывая на ходу, спустился дирижер Ансерме, высокий и сутулый человек с длинной бородой.

– Продолжаем, господа. Займите свои места, – громко приказал Дягилев.

Танцоры вышли на сцену: должен был начаться шуточный танец шести одинаковых Пульчинелл. В мешковатых белых робах, красных чулках и красных галстуках, в блестя-

щих черных масках, неразличимые танцоры приготовились, среди них были и солисты – Мясин и Идзиковский. Балерины Карсавина, Чернышева и Немчинова, в черных корсетах и задорных юбочках с помпонами, похожих на конфетные обертки, наблюдали из кулисы – спускаться в зал во время репетиции без особого распоряжения Дягилева артистам за-прещалось. Изящная Тамара Карсавина растирала ноги после сложной вариации; она танцевала партию ревнивой подруги главного героя – Пульпинеллы – и в предыдущей сцене несколько минут пропрыгала на мыске правой ноги, делая другой ногой в воздухе кругообразные движения. Это было утомительно и больно. Дягилев, хоть и относился к Карсавиной с нежностью, заставил ее повторить вариацию несколько раз.

Певцы заняли места в правой кулисе: сопрано Меньшикова, бас и тенор уже пропели свои партии, но уходить с репетиции не было позволено ни одному участнику, Сергею Павловичу в любой момент могла прийти идея по поводу любого персонажа в любом эпизоде спектакля.

В первый ряд партера после перерыва вернулись художники сцены, отвечающие за декорации, – трое крепких мужчин в комбинезонах, позади них шел главный художник постановки – Пикассо.

Постепенно на сцене загорался свет.

– Серж, я думаю, что я больше не нужен сегодня, – Пикассо подошел к Дягилеву, тот сразу отвлекся от разговора

с режиссером.

– Нет, будьте с нами до конца.

– Но костюмы, декорации – на месте. Уже почти одиннадцать вечера, – Пикассо демонстративно зевнул.

– Сегодня пройдем весь спектакль, и почему, собственно... вам что, наплевать? – буркнул Дягилев.

– Да просто хотел отдохнуть.

– У вас что, разве нет вечности для отдыха?

Пикассо недовольно хмыкнул и сел в крайнее кресло первого ряда. На втором ряду сидели швеи и костюмеры, они должны были быть готовы в любой момент переделать костюм, если он покажется танцору неудобным в движении или же не понравится Дягилеву. Там же, во втором ряду, на плече жены спал Чекетти, заботливо прикрытый пледом.

– Месье Григорьев! – позвал директор театра из приоткрывшейся боковой двери зала. Режиссер подбежал к директору, прозвучали слова «сверхурочные» и «дополнительная плата». Дягилев только отмахнулся и громко хлопнул в ладоши:

– Работаем, дамы и господа.

С ходу в полную силу заиграл оркестр.

– Так! Стоп! Повторяю! – выкрикнул Дягилев пронзительно. Оркестр замолчал, музыканты недовольно повернули головы к импресарио, дирижер досадливо поморщился. – Прожектор должен освещать то место на заднике, где луна! Мягкий желтый свет, пожалуйста. Хорошо, вот так и оставь-

те!

Оркестр продолжил. Стравинский выпрыгнул из ямы и прошел в середину зала послушать звучание со стороны.

– Пауза! – снова скомандовал Сергей Павлович через три минуты. – Костюмеры – ко мне.

Подошли две женщины с усталыми лицами, обе в очках.

– Девушкам в предыдущей сцене в руки надо дать по яркому платку.

– Какого цвета?

– Месье Пикассо, какого цвета должны быть платки? – быстро спросил Дягилев.

Художник, прищурившись, осмотрел сцену.

– Голубой и оранжевый, – решил он. – Нет, пусть лучше один голубой, а другой – бледно-красный.

– Завтра чтобы у них были платки. Леонид, слышите? У Розетты и Пруденцы будут в руках платки. Не хватает яркости на сцене.

– А Пульпинелла?

– Пульпинелле не нужно, этим она будет выделяться.

– Ну, не знаю, танцевать с платками – это ведь другая пластика? Получается не восемнадцатый век, а цыганщина! – засомневался хореограф.

– Тогда меняйте танец, Леонид, – отрезал Дягилев. – Это ваша обязанность.

– Из-за платков?! Какого они будут размера?

– Большие, как цветные облака, – уверенно сказал Дяги-

лев. – Небо в этой картине сделать серым. Что скажете, Пабло?

– Придется перекрашивать большой картон задника, – недовольно заметил один из художников сцены.

– Месье Пикассо, ваше мнение? – еще раз спросил Дягилев. – А то у нас выходит не романтическая лунная ночь, а похмельное утро.

– Согласен, – кивнул Пикассо, вглядываясь в декорации.

– Цвет неба поменять к завтрашнему дню, к двенадцати.

Режиссер Григорьев записал указания Дягилева в тетрадь. Снова зазвучала музыка. Шестеро танцоров синхронно исполняли забавные па в быстром темпе, это была кульминация спектакля. Остановив танец, Сергей Павлович потребовал, чтобы Леонид Мясин спустился со сцены к нему; хореограф в костюме и парике подошел, на ходу снимая маску. Григорьев освободил ему место рядом с Дягилевым.

– Пока пойдите к осветителям, скажите, чтобы в следующей сцене доктора осветили зеленым фонарем, а Пульпинеллу – более сильными розовыми, – не отвлекаясь от беседы с Мясиним, Дягилев дал указание Григорьеву. – И еще, прикажите завтра утром купить три флакона по семь унций – духов «Митцуко», у «Герлен». Пафка, лучше ты сам сходи и купи, польем занавес перед началом. Это ты рассказывал, что Уайльд хотел разбрызгивать духи во время представления своих пьес? Попробуем. Только сам не опаздывай, Пафка!

Лицо Корибут-Кубитовича изобразило ужас от воображаемого опоздания, и затем, без паузы, — готовность к подвигу. — Платки девушек тоже смочить духами, — записал на ходу Григорьев.

Постановка обещала быть яркой не только из-за музыки и остроумной хореографии Мясина, но и благодаря декорациям и костюмам, придуманным Пикассо. На сцене в лунном свете мерцали белые костюмы и черные маски Пульчинелл, действие напоминало загадочный ритуал, пугающий, но притягательный.

* * *

Сотрудничество Пикассо с «Русским балетом» три года назад все поменяло в жизни художника. В Риме, где создавался балет «Парад» с декорациями Пикассо, испанец стал ухаживать за русской балериной Ольгой Хохловой. Жан Кокто подсказал ему, что с девушкой «из благородных» «монпарнассские фокусы», вроде свободных отношений, неприемлемы. Пикассо влюбился: он сделал Ольге предложение руки и сердца, отвез невесту в Испанию знакомиться с семьей, поменял вероисповедание, венчался с избранницей в православной церкви на Рю Дарю в Париже. По требованию невесты он даже сменил рабочий комбинезон и простую куртку на добротный английский костюм. Молодые сняли двухэтажную квартиру на респектабельной улице Ла Боэти. Вы-

бор адреса был неслучайным, по соседству располагалась одна из самых успешных галерей в Париже, галерея Поля Розенберга. Благодаря посредничеству вездесущего Жана Кокто Розенберг подписал с Пикассо эксклюзивный контракт на продажу его картин, клиентов у галериста было достаточно. Правда, Пабло немного заскучал от требований Розенберга и появившихся обязательств, зато Ольга радовалась достатку. В 1919-м у молодой пары родился сын, Пикассо был счастлив.

А что мешало модному живописцу и энергичному творцу Пабло Пикассо (которому быстро надоело писать портреты богатых клиентов по требованию Розенберга) стать любимым художником Дягилева? Помешала страсть импресарио к экспериментам и поискам разнообразия, Дягилев постоянно увлекался новым и не желал быть привязанным к одному художнику или композитору.

В 1919-м Дягилеву вздумалось привлечь к сотрудничеству над новым спектаклем Анри Матисса, что Пикассо очень задело. Испанец ревновал, хоть и пытался скрывать это. Особенно его злило то, с каким упорством Дягилев добивался, соблазнял упрямого Матисса, сначала отказавшегося участвовать «в этих безумных плясках». Матисс не хотел покидать свою тихую студию. Но в конце концов, как и все другие жертвы натиска Дягилева, не смог устоять – Матисс даже поплыл в Лондон для встречи с импресарио и там был очарован атмосферой работы «Русского балета».

«И что это за художник – Матисс? Что он вообще может нарисовать: балкон, из которого выпирает цветочный горшок?» – ревниво спрашивал Пикассо то у Стравинского, то у Кокто.

Постановка балета «Соловей», которую оформил Матисс, прошла незамеченной. Это Пикассо немного успокоило, и это же вынудило Дягилева снова обратиться к проверенному автору скандалов, то есть успеха: оформить «Пульчинеллу» предложили Пикассо.

Пабло быстро сделал первый вариант оформления – в небрежном «кубистском» стиле, это напоминало декорации к «Параду». Дягилев с ходу отверг этот вариант, объяснив, что у него совершенно другое видение балета на тему неаполитанской «комедии дель арте». Пикассо слегка надулся, но по возвращении Дягилева из Италии с довольным видом положил перед ним подробно прописанные новые наброски оформления сцены и персонажей в костюмах. На эскизах Пикассо представил интерьер барочного театра, сходный с залом знаменитого неаполитанского театра «Сан Карло» (в нем труппа «Русского балета» гастролировала в 1917 году). По сторонам сцены были нарисованы два яруса зрительских лож, развернутых анфас, наверху изображен куполообразный плафон с люстрой. Внутри этого пышного оформления Пикассо поместил ложную сцену с условной декорацией Неаполя: ширмы, расписанные архитектурными мотивами, задник с видом бухты и Везувия, фонтан со скульп-

турой Нептуна в центре. Действие должно было происходить и на ложной сцене, и перед ней, «выходя» в декорацию нарисованного зрительного зала. Получался «театр в театре». Костюмы в этом варианте напоминали костюмы французского двора эпохи барокко, масок у персонажей не было, зато у мужчин были пышные бакенбарды.

– Вообще не то, что я хотел! – проворчал Дягилев, всмотревшись.

– Но это красиво, – спокойно возразил Пикассо, пристально рассматривая рисунки, будто они впервые попали ему в руки. – Я очень доволен тем, что получилось.

Стравинский молчал: ему нравились эскизы, казалось, это были работы не Пикассо, а незнакомого мастера, с любовью поработавшего с историческим материалом. Стравинский подумал, что такое оформление будет гармонично сочетаться с его музыкой.

– Ваши эскизы больше подходят для какого-нибудь ничемного Оффенбаха! Вы нам все испортите! У нас не оперетка дешевая, дорогой меcье Пикассо! – вдруг заявил Дягилев вздорным тоном.

– Я? Испорчу? Это отлично сделано! – сверкнул глазами Пикассо. – Никто лучше не сможет!

– Может, что-то подправить немного? Дать персонажам классические маски, убрать бакенбарды, например, – осторожно предложил Мясин.

– Маски здесь никак не годятся! – возмутился Пикассо,

всплеснув руками. – Какие еще маски?! То вы говорите, что мои идеи слишком современные и смелые. Теперь я сделал в неаполитанском стиле... Это классика! Ну, почти! Вы опять кочевряжитесь! Сами не знаете, что вам надо!

– И не собираюсь знать – вот представьте себе, дорогой месье художник! Зачем тогда нанимать вас, месье, платить вам деньги?! – разозлился Дягилев и притопнул нервно. – Какое дурацкое легкомыслие! У вас же нет, как у меня, в голове всего спектакля?!

– Сами вы дешевка, вот что я скажу! Зачем я вообще опять с вами связался! – разъярился Пикассо и, словно тореадор на корриде, угрожающе стал подступать к импресарию.

Перепалка продолжилась безобразно: Дягилев схватил один эскиз, порвал его, бросил клочки на землю и начал топтать, потом рванулся вперед и хотел порвать другой лист, изображавший нарядные театральные ложи и Неаполь томной летней ночью. Художник оттолкнул Дягилева, которого пытались удержать Мясин и Стравинский. Когда разъяренного Дягилева вывели из студии, все решили, что сотрудничество «Русского балета» с Пикассо закончилось.

– Но нет, их помирили, – шепотом рассказывал тенор Суреев басу Кавчинскому историю про декорации, которые они сейчас видели прямо перед собой. Певцы сидели в кулисах, ожидая, когда закончится репетиция.

– Как это возможно? Оба ведь... бешеные.

– Мися! – тенор Суреев состроил многозначительную ми-

ну и поднял вверх указательный палец. – Только мадам Серт смогла их помирить.

– Поразительно, – изумился бас Кавчинский. – Просто невероятно.

– Она шепнула ему: «Пабло, дорогой, Матисс с „Соловьем“ позорно провалился в Лондоне! Так докажи теперь, что ты лучший! Это отличный шанс!» Так мне рассказывали. А Дягу она сказала: «Пикассо – это непременно успех и скандал, это абсолютно то, что тебе сейчас нужно».

После «танца шести Пульчинелл» танцоры, запыхавшись, заскочили в кулисы. Один вцепился в занавес и уткнулся в него, пытаясь отдышаться. Другой сел на доски сцены, забыв про то, что он в белом костюме.

– Повторяем «танец шести» еще раз, с начала, все Пульчинеллы – приготовились! В более быстром темпе, пожалуйста, – послышался безжалостный приказ.

Певцы с сочувствием проводили глазами артистов, те понуно пошли на сцену, ругаясь сквозь зубы.

* * *

После премьеры у Стравинского появилось свободное время, он пригласил Шанель выпить чашку чая в кондитерскую на Фобур-Сент-Оноре. От приглашения на ужин она отказалась – «много работы по вечерам».

– Мне жаль, что вас не было вчера в театре. Мися разве

не позвала вас? – Стравинский замолчал неловко.

– Я работала, – Шанель пожала плечами.

– Было бы здорово, мадемуазель, если бы вы были именно вчера. Но знаете, Серж всегда сам составляет список приглашенных на первый день, я даже не помню, например, была ли вчера жена Ансерме, нашего дирижера, или жена Пикассо...

– А ваша?

– Жена? Моя? У меня семья в Швейцарии. Кроме жены, там дети и моя мать. Но вы ведь придете в четверг на второе представление «Пульчинеллы»? Я пришлю приглашение, на этот раз обязательно, на какой адрес?

– Рю Камбон, 31, в мой магазин. Пожалуйста, напишите «Для мадемуазель лично».

– Я очень хочу, чтобы вы посмотрели и поделились вашим впечатлением. Мне было невероятно сложно работать с музыкой Перголези...

– Боюсь, хуже всего я разбираюсь как раз в музыке, – Шанель говорила низким голосом, Стравинскому нравились ее сияющие глаза и живая мимика, она будто постоянно чему-то радовалась.

– Так не надо разбираться! Мне кажется, вы эмоциональный человек, этого достаточно. Сейчас мало кто живой вообще, большинство притворяются живыми. Я работал с этой музыкой как со своей, понимаете? Хотя меня уже обругали все, кто мог! Критики.

– Вас обругали? Неужели?! – прыснула Коко. – Как они

смеют?!

– Да, – рассмеялся он. – Даже Дягилев сперва дулся! Это еще в апреле было. Он хотел просто стилизацию музыки Перголези, а когда я увлекся, показал ему опыт... он целую неделю ходил с видом оскорбленного восемнадцатого столетия... – Стравинский надул щеки и выпучил глаза, при этом лицо его, и так некрасивое, стало похоже на лицо ярмарочной куклы.

Шанель расхохоталась, всплеснув руками.

– Как вы чудесно смеетесь! Дяг каждый раз хочет новое, все более странное и необычное, а когда даешь ему, то иногда пугается. Потом Серж привык и ему понравилось, зато теперь на меня набросились критики: то пишут, что я предал авангардизм и подался в стилизаторы, поддельщики. То возмущаются, что замахнулся на святое. «Кошунство, – кричат, – не трогайте классику, караул!» А для меня это был не только взгляд в прошлое, но и взгляд в зеркало. Я сегодня сказал одному критику, Вуиллермозу, мы завтракали у Дягилева: «Вы Перголези почитаете, а я его люблю! Понимаете, в чем разница?» Но он, по-моему, ничего не понял.

– Тяжело, наверное, когда на вас так нападают.

– Сейчас уже нет, я не боюсь больше. Вообще по-настоящему я паниковал только один раз – семь лет назад, на премьере «Весны священной».

– Представляю... Я так много слышала о той премьере.

– Ни до, ни после не помню себя таким разъяренным,

как в тот вечер. Я выстрадал свою музыку, она казалась мне ясной и естественной, а в зале, кажется, никто ее не понимал, ни один человек! Даже не представляю, как дирижеру удалось доиграть, — он, Пьер Монте, все искал глазами Сержа, ждал, что тот отменит спектакль. Мне казалось, что все музыканты в оркестре ненавидят мою музыку, а это жутко обидно! Но я не виню их, они не привыкли... Танцорам пришлось еще труднее. Нижинский, сказать по правде, не был музыкально одаренным артистом. Большим актером, гениальным танцовщиком — да! Но в «Весне» он ведь был постановщиком балета, и эта музыка оказалась ему не по зубам. Он мне сказал: «Я буду считать до сорока, чтобы танцовщики не разминутся с музыкой». Но русский счет многосложный, у нас, например, в слове «восемнадцать» — четыре слога. Он произносил «во-сем-над-цать», а у меня там всего один такт! В общем, артисты танцевали свое, как получалось, оркестр играл свое... а я сходил с ума. — Стравинский рассмеялся. — Нижинский в кулисах залез на стул и что-то выкрикивал, вроде как подсказывал артистам, я встал рядом и крепко держал его за фалды костюма, чтобы он не свалился или не выпрыгнул на сцену. Не ручаюсь, что я не отсчитывал ритм прямо на его ягодицах!

— А Дягилев?

— Серж был возбужден, но вовсе не напуган. Мне показалось, этот шум, вопли публики ему даже нравились. Я очень сердился на него в тот вечер.

– Почему?

– Мою музыку освистали все, это был конец света! А он ходит с довольным видом! Я на всех тогда разозлился. Даже заболел от горя. Но спустя год, когда «Весну» исполнил большой оркестр, безо всякого там балета, знаете, какой грандиозный успех у меня был! О! Все перевернулось всего через год, меня молодежь на руках несла из театра, и Дягилев, помню, заревновал. Он всегда так: если успех не у него, не у его «Русского балета», – ему бывает обидно.

– Трудно с ним?

– Уф, – задумался Стравинский. – Знаете как: если ты с Сержем в противоречии, то это невыносимо, очень тяжело. Как будто у тебя плита на голове. Но зато когда удастся достичь согласия, если заодно с ним, – ты уверен, что все будет сделано. Он пойдет на любые жертвы, способен на нечеловеческие усилия, найдет средства и все устроит. Дягилев – машина для пробивания стен, в этом ему нет равных, он сам себя называет «гениальный шарлатан». Может не спать, не есть неделями, думать только о спектакле, вкладывать в него нечеловеческие силы... заставлять всех вокруг соответствовать. Иногда я думаю, что это магия какая-то, часто не понимаю, как он добивается всего, вникает в мельчайшие детали и все предвидит. Мне даже кажется, что он предвидел скандал с «Весной священной» уже в тот день, когда я впервые играл ему эту музыку.

– Интересно как. Но мне пора, – Шанель стремительно

поднялась.

– Я вас заболтал, мадемуазель.

– Наоборот, это другая жизнь, непохожая на мою, хочу знать о ней больше. Значит, для вас и для Дягилева важно возобновить «Весну священную»?

– Было бы грандиозно. Мне, конечно, уже не так нравятся прежние декорации Рериха к «Весне» – да нет, совсем не нравятся! Но что делать? К тому же, представьте, Рерих говорит, что идея «Весны священной» – его. Совсем с ума сошел! Он в Лондоне спиритизмом занимается, столы крутит, с духами разговаривает. Согласитесь, это не может не разрушать мозг. На самом деле ведь я сам увидел несколько сцен «Весны» во сне, честно! – Стравинский говорил все быстрее, будто не хотел ее отпускать. Потом понял, что Коко действительно торопится, хоть и кивает терпеливо. Она взяла сумочку.

Композитор встал и поцеловал ей руку, галантно склонившись:

– Вы так хорошо слушаете, приятно, когда женщина умеет слушать! Надеюсь, до послезавтра!

* * *

Коко Шанель ожидала в фойе «Гранд-отеля» среди позолоченных рам и вычурной, голубой с золотом, обивки кресел и диванов.

– Мадам, – обратился к ней служащий. – Простите. Не могли бы вы сами подойти к телефону?

– Но я написала вам свое имя, – недовольно возразила она.

– Да, мадам, тут написано... «мадемуазель Шанель». Но месье Дягилевф говорит, что не знает вас, извините!

– Здравствуйте, месье, – Шанель пришлось подойти к телефонному аппарату. – Меня зовут Габриэль Шанель, нас познакомила мадам Серт. В Риме. Э-э... мне неудобно разговаривать так! – Шанель гневно посмотрела на метрдотеля, и тот поспешил отойти к другой части стойки. – Хочу дать вам кредит на «Весну священную», – добавила она тише. – Хорошо, я подожду, но недолго.

Четверть часа спустя в музыкальном салоне отеля появился Сергей Дягилев, в ярком галстуке с огромной черной жемчужиной в нем.

– Прошу вас извинить меня, мадемуазель. О, как вы элегантны, потрясающе... – Он аккуратно прислонил к креслу тяжелую трость, склонился, поцеловал ее руку и не отпускал пальцы Шанель. – Время премьеры всегда бурное, и знаете, люди часто обращаются за приглашениями, не вполне понимая, какое это сложное предприятие – организация спектаклей. А потом торжественные ужины с так называемыми нужными людьми, как вчера, например... Мадемуазель, я слушаю вас самым внимательным образом, – он наконец оставил в покое ее руку и сел в кресло напротив.

Шанель достала из сумки конверт и положила перед собой.

– Здесь чек на триста тысяч франков. Для вас. Для постановки «Весны священной». – И зачем-то уточнила: – На музыку Игоря Стравинского.

Оба замолчали. Дягилев поднял брови, глаза были веселыми, рукой он поглаживал резные завитки дерева, обрамлявшие подлокотник дивана.

– Не знаю, сколько всего нужно денег, собственно, – добавила Шанель серьезно.

– Мадемуазель, это хорошая сумма. Слава богу! Спасибо Мисе, она волшебница! Это она уговорила вас? Вот Мод Кунар дала всего восемьдесят луидоров, а теперь вы... такая щедрость! Очень рад, счастлив!

Лицо Шанель застыло, уголки губ опустились. Она снова взяла в руки конверт и держала его перед собой:

– Месье Дягилев, у меня есть обязательное условие.

– Простите, сразу скажу – я не могу гарантировать возврат в определенные сроки. У меня не завод, дорогая.

– Это я понимаю. Мое обязательное условие – о другом, – Шанель больше не смущалась, говорила веско и с достоинством.

Дягилев разглядывал ее с любопытством благодушного бульдога.

– Я хочу, – медленно произнесла Шанель, – чтобы никто, кроме нас с вами, не узнал об этих деньгах. И Мися! Осо-

бенно мадам Серт. Запомните, она не имеет к моему решению никакого отношения, месье.

Несколько секунд импресарио смотрел на конверт озадаченно, положив подбородок на серебряный набалдашник трости и медленно наклоняя голову то к правому, то к левому плечу, будто разминал шею. Потом выпрямился:

– Разумеется. Только мы с вами будем знать, что это от вас, дорогая. – Он протянул руку, Шанель передала конверт. Дягилев вынул чек, осмотрел, перекрестил его и положил во внутренний карман сюртука, оставив конверт на столе. – Да! Мадемуазель, имею честь лично пригласить вас на завтрашнее представление «Пульчинеллы», – он достал контрамарку. – Самых важных гостей мы приглашаем именно на второе представление, оно всегда получается лучше.

* * *

Вечеринка после премьеры проходила в апартаментах Сертов, они занимали второй этаж старинного особняка на Рю де Бон.

Собравшиеся говорили не только о премьере, но и о том, что вскоре состоится бал в честь «Русского балета» у принцессы Виолет Мюрат, наследницы королевской семьи Неаполя.

– Значит, «Русский балет» снова в моде.

– Серж правильно поступил в начале мая, приняв участие

в вечере в пользу фонда русской эмиграции. Теперь к нему опять все относятся благосклонно.

– Он сначала не хотел участвовать, из-за того что Ида там тоже выступала.

– А они с Дягом совсем рассорились?

– Насмерть.

– Да, но согласись, хорошо вышло. Это ведь я его уговорил.

– За новый успех, большой успех! Все билеты на «Пульчинеллу» проданы, на десять представлений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.